

1933 г. были заложены главные направления деятельности радиокомитета, успешно развивавшиеся впоследствии.

Список использованной литературы и источников

1. Бройдо С. Драгоценная ноша / С. Бройдо // Восточно-Сибирская правда. — 1965. — 21 дек. — С. 4.
2. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. — Ф. 16. — Оп. 1.
3. Календарь радиолюбителя // Власть труда. — 1930. — 15 янв. — С. 4.
4. Колокольников И. А. Музыкальная деятельность Иркутского радиокомитета в 1929–1953 гг. / И. А. Колокольников // Материалы Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014». Москва, 6–11 апр. 2014 [Электронный носитель: диск CD-ROM].
5. Колокольников И. Здравствуйте, я здесь! / И. Колокольников // Восточно-Сибирская правда. — 2014. — 11 нояб. — С. 2 (начало), 7 (продолжение).
6. Колокольников И. Музыка в эфире / И. Колокольников // Восточно-Сибирская правда. — 2014. — 25 нояб. — С. 8.
7. Конста Г. Победитель пространства / Г. Конста // Восточно-Сибирская правда. — 1933. — 16 нояб. — С. 4.
8. Материалы личного архива И. К. Петрова.
9. Фонотека ИГТРК. НЗ-85. Передача «Музыкальная тетрадь» (выпуск к 60-летию Иркутского радио). Автор и вед. Н. И. Шаманская. 25.11.1989.
10. Харкеевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска / И. Ю. Харкеевич. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 280 с.
11. Шестопалова Е. В. История становления и развития радиовещания в Иркутской области и 1920–1930-е годы : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. В. Шестопалова. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-т, 2008.

Информация об авторе

Колокольников Иван Арсеньевич — аспирант, кафедра современной отечественной истории, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: ivan-ars_k@mail.ru.

Author

Kolokolnikov Ivan Arsenyevich — PhD student, Chair of Modern National History, Irkutsk State University, 1, Karl Marx Str., 664003, Irkutsk, e-mail: ivan-ars_k@mail.ru.

УДК 94(470)16/18
ББК ТЗ(2)5

Н.Н. НАУМОВА

ШКОЛЬНАЯ РЕФОРМА П.А. СТОЛЫПИНА: ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1906–1917)

Автор рассматривает проблемы создания школьной сети в Иркутской и Енисейской губерниях в 1906–1917 гг., анализирует опыт и перспективы введения всеобщего начального образования в указанный период.

Ключевые слова: всеобщее начальное образование, всеобщее обучение (всеобуч), Восточная Сибирь, школьная сеть, школьная реформа П.А. Столыпина, начальное образование, школьное строительство, Иркутская и Енисейская губернии.

N.N. NAUMOVA

SCHOOL REFORM OF P. A. STOLYPIN: EXPERIENCE OF INTRODUCTION OF GENERAL EDUCATION IN EASTERN SIBERIA (1906–1917)

The author considers problems of creation of a school network in Irkutsk and Yenisei provinces in 1906–1917, analyzes experience and prospects of introduction of universal primary education during the specified period.

Keywords: universal primary education, general compulsory education, Eastern Siberia, school network, school reform of P.A. Stolypin, primary education, school construction, Irkutsk and Yenisei provinces.

Вопрос о введении всеобщего обучения в Российской империи поднимался неоднократно, но только после обработки данных Всероссийской переписи населения 1897 г. Министерство народного просвещения (далее — МНП) получило необходимые статистические данные для теоретической проработки проблемы. По итогам переписи населения 1897 г., в Иркутской губернии процент грамотного населения обоих полов (за исключением детей до 9 лет) в среднем составлял 19%, в Енисейской губернии — 17% [2, с. 62]. В то же время в Великобритании уровень грамотности составлял 92%, в Германии — 98%, во Франции — 85%, а в России — всего 21,1% [17, с. 537].

Следует также учитывать повышающуюся тягу крестьян к просвещению и катастрофическую нехватку образовательных учреждений: например, в 1898 г. школы ведомства православного вероисповедания (далее — ВПИ) Енисейской и Иркутской губерний были переполнены (малокомплектными оставались только училища, открытые в том же году, и миссионерские) [3, с. 9; 7, с. 253]. По данным переписи 1897 г. около половины грамотных мужчин и менее половины грамотных женщин обучились читать и писать внешкольным путем. В периодических изданиях часто употреблялся неологизм «школьный голод».

Среди обширного пакета реформ администрации П.А. Столыпина было предусмотрено и проведение школьной реформы, предусматривающей всеобщее бесплатное образование для детей от 8 до 12 лет. Законопроект о введении всеобщего начального образования был внесен МНП в Госдуму в 1907 г., а одобрен только в 1911 г., но вызвал возражения в Госсовете и так и не получил статуса закона. Нам известно, что ве-

ликий реформатор выдвигал как важнейшее (после аграрной реформы и индустриализации) условие создания класса крепких крестьян-собственников достижение всеобщей грамотности.

Фактически школьная реформа начинает осуществляться с 1908 г., с началом усиленного роста бюджетных ассигнований на народное просвещение. В 1897 г. государственные расходы в данной сфере составляли 1,48 млн р.; эта сумма возрастала очень незначительно и медленно. В 1908 г. субсидии были резко увеличены и достигли 6,9 млн р., а в 1910 г. — 10 млн р. [18, с. 45]. МНП начинает сотрудничество с органами местного самоуправления. Реализация намерений правительства означала серьезное расширение прав городских дум, земств и общественных организаций, которым разрешалось открывать начальные учебные заведения после прохождения достаточно простой процедуры регистрации школы.

Основные положения реформы в образовании были определены инструкцией МНП от 22 июля 1909 г., в которую в 1912 г. были внесены существенные дополнения. Основной единицей школьной сети объявлялся комплект, включавший в себя 1 учителя и 50 учащихся. Количество школ и их расположение должны были быть такими, чтобы все дети школьного возраста (8–11 лет) могли их посещать. Продолжительность обучения должна была составлять не менее 4 лет, а учебные занятия должны были продолжаться не менее 180 дней в городах и 160 — в селах. Сельские общества имели право ходатайствовать о желаемом типе открываемой школы. В состав школьной сети входили уже действующие городские, церковноприходские и государственные школы.

Школьные сети для сельской местности составлялись таким образом, чтобы каждый населенный пункт либо имел отдельную школу, либо вместе с другими объединялся в школьный район радиусом не более трех верст. В случае невозможности такой организации, в отдельных сибирских местностях, предусматривалось открытие передвижных школ, интернатов, налаживание бесплатных перевозок учащихся и т.п. Известный сибиревед П. Соколовский считал необходимым увеличить для Восточной Сибири принятый в Европейской России радиус школьного строительства с 3 до 10 верст, а также существенно ослабить централизацию управления школами и надзор за ними, эффективно используя институт попечительства [19, с. 12]. Составленные схемы школьных сетей Восточной Сибири утверждались сначала на заседаниях городских дум уездных городов, а затем — директором народных училищ губернии совместно с уездными наблюдателями церковноприходских школ.

Центральным вопросом реформы оставалась проблема финансирования создающейся сети школ. Имелось три основных источника бюджета школьной реформы: государственная казна, отчисления от

губернского земского сбора, средства, поступающие на содержание конкретной школы по приговору сельского общества. В пояснениях к инструкциям по сбору сведений постоянно подчеркивалось, что при введении всеобщего обучения «хозяйственные и прочие расходы в большинстве случаев покрываются непосредственно самими сельскими обществами, содержащими училища» [5, лл. 11–19].

Неурожаи 1911–1913 гг. в Иркутской и Енисейских губерниях, и начавшаяся позже Первая мировая война подорвали благосостояние крестьян Восточной Сибири. На трехлетие 1912–1914 гг. общий сбор по земским сметам составил по Енисейской губернии всего 106 524 р., по Иркутской — 126 137 р. К 1915 г. по данным Енисейской казенной палаты крестьяне губернии имели задолженность по сбору губернского земского налога до 80% годового оклада. Однако, на межведомственном совещании в Петрограде в январе 1915 г. представители плательщиков земских сборов единогласно высказались за увеличение обложения для радикального улучшения в губернии школьного дела [9, с. 52].

На трехлетие 1915–1917 гг. сумму годового ассигнования на церковноприходские школы из губернского земского сбора предполагалось увеличить с 14 900 до 41 650 р. Воплощавшийся проект всеобщего начального обучения требовал открытия с 1915 по 1930 г. (позже — 1920 г.) ежегодно 169 училищ и 6 ночлежных приютов при них, а также преобразования 8 одноклассных школ любого ведомства в двухклассные. Однако Енисейская губерния стремительно регрессировала по уровню образования. Для охвата школьной сетью детей прибывающих переселенцев требовалось строить 54 школы в год, а строилось в среднем не более пяти [11, с. 15].

Задолженность по уплате налогов не означала бедности крестьянства Восточной Сибири. Например, по свидетельству приходского священника из Киренского уезда, «небольшой Петропавловский приход (волость), с населением в тысячу ревизских душ, пропивает ежегодно 20 000 рублей... Пьют у нас старые и молодые, мужчины и женщины» [14, с. 32]. Алкоголизм, несомненно, стал серьезной общественной проблемой. Архиепископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский) прямо называл безнравственной реализацию идеи всеобщего обучения на «питейные» деньги, служившие существенным источником дохода государства: «Я не враг грамотности, но и не считаю ее таким великим благом, чтобы выбрасывать на нее те миллионы, которые выжимаются из народа преступным поощрением пьянства... прежде всего стоит вопрос о спасении народа от вырождения, от алкоголизации. И если видится возможность бросить сто миллионов на всеобщее обучение, то бросьте эти миллионы на борьбу с алкоголем» [20, с. 33–35].

У реформы находились противники, указывавшие на необъятность и неразрешимость поставленной правительством задачи в установ-

ленные сроки: отсутствие учительских кадров и педагогических учебных заведений, необходимость одномоментного открытия и создания материально-технической базы множества школ и т.д. Например, профессор К. Валишевский признавал необходимым открытие в России 280 486 школ в дополнение к существовавшим на 1903 г. 90 942 школам для приблизительно 13 млн детей школьного возраста. Он предостерегал «не обольщать себя надеждой» найти учителей, «если вы будете вознаграждать их по 150–180 р. в год»: «Это нищенское жалованье уже теперь сильно затрудняет набор персонала. В среднем карьера народного учителя ограничивается лишь десятью годами; все они бегут из этой жалкой профессии, как с каторги, предпочитая ей даже сиденье в винных лавках!» [10, с. 6]

Кадровый вопрос действительно был трудноразрешим. В Восточной Сибири с 1909 г. действовал один Иркутский учительский институт, ежегодно выпуская не более 25 учителей. На стадии обсуждения остался вопрос о преобразовании трех второклассных школ ВПИ Иркутской епархии в церковно-учительскую семинарию на базе Малышевской женской школы, т.к. аналогичная мужская семинария действовала с 1900 г. при Иркутском Князе-Владимирском монастыре.

В 1909 г. в Иркутской и Енисейской губерниях были созданы специальные школьно-строительные фонды ведомства народного просвещения. Разовое государственное ассигнование составляло полмиллиона рублей, из которых 300 тыс. р. предназначалось на строительство новых школьных зданий и 200 — непосредственно на образование фонда. В 1913 г. был издан новый строительный закон, дававший возможность при относительно небольших затратах средств крестьянских обществ (но при условии заготовки ими пиломатериалов), строить школьные здания. Епархиальными училищными советами совместно с дирекцией народных училищ были разработаны типовые проекты зданий для школ разных типов с большой рекреационной комнатой, приспособленной для устройства народных чтений. Количество комнат в здании должно было быть не меньше количества предполагаемых комплектов, среди них выделялось особое помещение под квартиру педагога.

Безвозвратные ссуды могли выделяться как школам, вошедшим в школьную сеть, так и оставшимся вне нее. Кредиты предоставлялись на срок не более 40 лет в размере, не превышающем 4/5 стоимости будущего здания, под 3% годовых. На практике, как правило, в Восточной Сибири пособие выдавалось в размере половины стоимости здания, но в любом случае не более 1500 р. на деревянное здание и не более 2000 р. — на каменное [16, с. 61]. При выделении пособия вторая половина расходуемых средств покрывалась сельским обществом за счет самообложения, бесплатных работ крестьян на строительстве и т.д.

Студа, неизрасходованная за два года, возвращалась обратно, поэтому строительной комиссии в лице священника, учителя, сельского старосты и пяти крестьян следовало как можно скорее браться за постройку. Строительство могло вестись только на условиях сдачи подрядов с торгов на конкурсных условиях. Начало войны не позволило вернуться школьному строительству: дороговизна рабочих рук удвоила стоимость любой постройки [1, с. 34].

К 1916 г. лишь 19 из 440 земств России не заключило соглашения о сотрудничестве с МНП в деле разворачивания школьной сети. Значительно хуже дело обстояло в неземских губерниях. Ведомства, которым был поручен сбор сведений по охвату детей Восточной Сибири школами, не слишком торопились в выполнении этой задачи. Подсчет необходимых расходов, согласно решению городской думы Иркутска, принятому в 1916 г., должен был быть закончен лишь к 1919 г. «Для объединения всех мероприятий по делу народного образования и составления школьной сети» были организованы особые уездные совещания, включавшие представителей разных ведомств: крестьянских начальников, городских голов, уездных наблюдателей школ ВПИ, инспекторов народных училищ и т.д. Такие совещания состоялись в Верхотенском уезде 27 января, в Киренском — 15 июня, в Нижнеудинском — 6 июня, в Балаганском — 9 июня 1916 г. [6, лл. 36–37].

Окончательный срок введения всеобщего начального обучения был установлен в 1917 г. и составил 10 лет, но этот срок касался только земских местностей и городов. Решение проблемы в Восточной Сибири откладывалось [13, с. 43]. К сожалению, до 1917 г. так и не был введен закон об обязательности начального образования, а рассматривавшийся законопроект налагал на родителей чисто символический штраф в размере десяти копеек.

Именно в Восточной Сибири родители, не понимая необходимости образования, зачастую не отдавали детей в школу либо забирали их оттуда до окончания срока обучения. В среднем по России в местностях, уже имеющих школьные сети, не обучалось 22,3% детей. Девочек даже в зажиточных семьях учили редко, предпочтение при зачислении в переполненные школы отдавалось мальчикам. Школьное обследование 1894 г. показало, что на 100 учащихся мальчиков в сельских школах Сибири приходилось только 26 девочек; школьная перепись 1911 г. дала соотношение 100:38 [12, с. 69]. В данной ситуации было необходимо обязать родителей предоставлять детям возможность получения хотя бы начального образования.

Красноярск первым из сибирских городов начал реализацию проекта всеобщего обучения: с 1909 г. отказы при приеме детей в школы не практиковались. С 1909 по 1916 г. город открыл 23 новых комплекта при существовавших школах, число учащихся увеличилось более

чем вдвое. Если в Иркутске на момент начала школьной реформы из 8993 детей школьного возраста обучалось 1334 чел. (при общем количестве населения около 70 тыс. чел. и его ежегодном приросте не менее 1,5%) [15, с. 9], то к началу мировой войны всеобщее обучение фактически было введено.

Вообще же на начало 1914 г. общее количество детей и подростков Иркутской губернии в возрасте 8–18 лет составляло 145 690 чел., включая детей младшего школьного возраста (8–11 лет) в количестве 56 106 чел. В губернии действовало всего 37 двухкомплектных школ (с не менее чем 80 учащимися и 2 учителями), 121 одноклассная школа (с 1 педагогом и не менее чем 35 учениками), 33 4-классных школы (4 учителя и 180 учащихся). Таким образом, обучалось в общей сложности 68 436 чел., т.е. не более 47% детей и подростков школьного возраста [18, с. 78–79]. На содержание школ для детей 8–11 лет ежегодно требовалось не менее 314 тыс. р. из местных средств и 628 тыс. р. дотаций из государственного бюджета.

Епархиальная администрация настаивала на сохранении автономии школ ВПИ в структуре создаваемой школьной сети, аргументируя это тем, что «подчинение церковных школ МНП на каких бы то ни было основаниях и в какой бы то ни было форме с неизбежностью приведет к уничтожению их и будет нарушением прав Церкви» [8, с. 36]. Вопреки опасениям представителей духовного ведомства в докладе генерал-губернатора за 1910 г. о состоянии начального образования в Восточной Сибири предусматривалось обращение «особого внимания на религиозно-нравственную и патриотическую сторону воспитания учащихся... учащим вменяется в обязанность неуклонное присутствие с учащимися на богослужении, организация церковных хоров; в училищах устанавливаются годовые праздники» [4, л. 6].

К сожалению, историей не было отпущено достаточно времени: реализация плана П.А. Столыпина предвоенными темпами требовало не менее 20 лет. Распространение грамотности было слишком поздно оценено как неотложная задача огромной государственной важности: «Мировая война доказала, что просвещение народа необходимо как сильнейшее орудие борьбы за государственное и национальное единство. После окончания войны в неизбежной борьбе с иностранным экономическим засильем оно будет основой будущего экономического расцвета страны» [13, с. 40]. Эта мысль сибирского журналиста будет блестяще подтверждена практикой школьного строительства после 1917 г.

Список использованной литературы и источников

1. Березовский Н. П. О состоянии начального образования в Енисейской губернии / Н. П. Березовский. — Красноярск : Тип. епархиального братства, 1916. — 57 с.

2. Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР / И. М. Богданов. — М. : Статистика, 1964. — 194 с.
3. Брызгалов И. Л. Церковно-приходские школы и школы грамоты Иркутской епархии в 1896/97 учебном году / И. Л. Брызгалов. — Иркутск : Тип. А.А. Сизых, 1898. — 154 с.
4. Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). — Ф. 63. — Оп. 1. — Д. 142.
5. ГАИО. — Ф. 63. — Оп. 1. — Д. 358.
6. ГАИО. — Ф. 63. — Оп. 1. — Д. 563.
7. Енисейские епархиальные ведомости (далее — ЕЕВ). — 1898. — № 11.
8. ЕЕВ. — 1910. — №11.
9. ЕЕВ. — 1915. — №4.
10. Енисейский церковный вестник. — 1907. — № 2.
11. Жолудев Д. Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции) / Д. Г. Жолудев. — Енисейск : Енисейский государственный педагогический институт, 1961. — 155 с.
12. Зверев В. А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма / В. А. Зверев. — Новосибирск : НГПИ, 1988. — 88 с.
13. И. Б. К введению всеобщего начального обучения / И. Б. // Сибирская школа. — 1917. — № 2. — С. 39–47.
14. Иркутские епархиальные ведомости. — 1911. — № 2 пр.
15. Исцеленнов И. Ф. Всеобщее общедоступное начальное образование. Доклад на заседании Иркутской городской Думы / И. Ф. Исцеленнов. — Иркутск : Тип. Макушина, 1909. — 57с.
16. Катанов В. В помощь сибирским сельским школам по постройке школьных зданий: изд-е 2-е, доп. и испр. / В. Катанов. — Красноярск : Тип. епархиального братства, 1914. — 95 с.
17. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР 2-й половины XIX в. / под ред. А. И. Пискунова. — М. : Педагогика, 1976. — 595 с.
18. Проект школьного закона о введении всеобщего образования в России. — СПб. : Разум, 1908. — 101 с.
19. Соколовский П. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае / П. Соколовский. — Харьков : Тип. Зильберберга, 1904. — 305 с.
20. Церковь и демократия (Неуслышанные голоса) / сост. Я. Шипов. — М. : Отчий дом, 1996. — 127 с.

Информация об авторе

Наумова Надежда Николаевна — доцент, кандидат исторических наук, кафедра истории и политологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40, e-mail: naumova_bratsk@mail.ru.

Author

Naumova Nadezhda Nikolaevna — PhD in Historical Sciences, Chair of History and Political Science, Bratsk State University, 40, Makarenko Str., 665709, Bratsk, e-mail: naumova_bratsk@mail.ru.